

● И десятки тоненьких, словно свечки, детских рук в самом деле взлетают...

— И-раз! И-два! Еще ровнее руки! Спокойно! Еще — два! Еще по два плии! По два! Полетели! Спокойно, Дима! Теперь руками надо поднять себя и вот отсюда раскрыть их. И-р-раз!

ОБЫЧНЫЕ балетные команды, обычный хореографический класс. Трико, пуанты, зеркала. Как неоперившаяся стайка, мальчишки и девчонки под зорким взглядом педагога-хореографа.

Кажется, все в полном порядке, лучше не придумаешь. Но это занавес, за которым настоящие драма и боль.

Способность отблагодарить человека за труд, талант и энергию — тоже примета уровня культуры и развитой нравственности. Тогда как, наоборот, способность наплевать и растоптать в «благодарность» за многие годы полезных усилий — это, извините, примета «уровня дикости». За нее испытываешь горький стыд, даже если лично не причастен к содеянному. И речь пойдет о дикости, которая осталась пока безответной.

А для начала хочется не побояться высокого штиля и вспомнить, как когда-то в одном из уголков далекого Приморского края поселилась красивая сказка.

Это был кружок художественной самодеятельности, переросший в хореографическую студию при Доме пионеров. Обворожительная сенсация тогдашних милых своей неизжитой провинциальностью краевых смотров. Забавные матрешки в пышных сарафанах, грациозно распускающиеся розовые лотосы, белое облако из хлопковых корбочек, лихие красноезвездные буденновцы с клинками-молниями...

Весь край гордился, что наши — а «лучше артистов». И самое приятное, что виновник всего не приезжий званный спец, а свой, коренной, местный, почти такой же парнишка, как старшие его кружковцы.

Что сказать о самом человеке? Военное детство на железнодорожном полустанке Дроздов рядом с заснеженным «штурмовым» Спасском. Отец — только в памяти, уходящим на фронт. Мать с четырьмя малолетками в нетопленной хате — наяву. Звезды ночью сквозь крышу, мыши в углу в соломе. Голод гонит гурьбой выбирать из-под снега сою в полях, рыть весной мерзлую картошку.

И в то же время — искренняя, фанатичная вера в прекрасное, которая может родиться только в таких отчаянных обстоятельствах и которая в них только и спасет. В книги, песни, танцы, музыку, театр — в искусство как символ добра. Такова предистория. Известность спасского ансамбля и его руководителя Виктора Васютину выплеснулась за пределы Приморья. С тихоокеанских берегов — в Москву, потом в Артек, лауреатство, грамоты, очерки и телефильмы, лстящие приморскому патристизму. Наконец, естественное приглашение во Владивосток, краевой центр, заложить и там подобную хореографическую студию. Как знать, может быть, с этого начнется свой музыкальный театр, которого и по сию пору нет у берегов Тихого океана...

Васютин один не поехал. Бросить спасских ребят было ему не по силам и не по совети. Тогда краевые меценаты искусства пошли на невероятное: всю спасскую старшую группу в количестве тридцати человек перевели во Владивосток и поселили в школе-интернате № 2 у знаменитого на Дальнем Востоке педагога Н. Дубинина. Более того, под васютинскую студию в городе, где каждый метр жилья на счету, пожертвовали целое здание, старенькую школу, восстановление которой — своя эпопея. Засучили рукава ребята, родители, педагоги, в первую очередь сам Васютин. Даже пятнадцать лет спустя бывший заместитель заведующего крайово Н. Везеркина возвращается в атмосферу тех дней: «Энтузиазм объединял самых разных людей. Мы ни копейки специально на хореографиче-

скую студию не отпускали. Выкраивали по крохам вроде как для Дома пионеров. Но сколько же неоплатно делалось на общественных началах!»

Через два-три года старую школу стало не узнать. Ее посещение входило в программу пребывания самых почетных гостей Владивостока. Знатных иностранцев и важных соотечественников в министерских и адмиралских рангах с порога приветствовали классические марши. На белых лестницах, у перил, перевитых цветами, — почетный караул детей в белых парадных рубашках и кофточках с красными галстуками... Огромные зеркала

Короче, характер — не подрабочек. Очень легко вчерашнего друга и союзника, к тому же приглашенного из другого города, превратить в злостного врага. Очень легко вчерашний восторг превратить в обиду и мстительность. Что и стало подмешиваться в качестве некоторой ядовитой дозы к цветам публичного признания. Васютин же в своих облаках не думал о компромиссах и последствиях. Что мог кого-то раздражать его педантизм в распорядке, эстетизм дома и в студии, которук за свой счет украшал вазами и статуэтками, где собрал библиотеку из собственных книжек по искусству. Что вызывало усмешку... пламенное цитирование заповедей морального кодекса строителя коммунизма...

Недовольные васютинским педагогическим «домостроем» создали внутреннюю, так

оркестру за счет резервов студии? Начет директору: долой зарплату. На все аккуратно приклеивалась запрещающая или криминальная статья.

Акт к акту, протокол к протоколу, несколько лет пухло дело Васютину и в районной прокуратуре. Наконец...

Наконец настал миг охотничьего торжества, и в студию пришел за Васютиным сотрудник УВХСС Д. Старшинский. Больше балетмейстер на свое рабочее место не вернулся.

Пять месяцев следствия. За это время можно было «нагresti» что-то поистине грандиозное, в особо крупных размерах. Так оно и хотелось. Уголовное дело № 12804 в архиве Советского районного нарсуда — два солидных тома. Чтобы их составить, через фильтр показаний прошла огромная вереница людей. Серия обысков — от студии и квартиры до старенького ма-

гах Васютину, не поколебленных ни этими дверями, ни посылками. Поклонники балетного искусства, родители, дети. В деле — 68 листов почетных и наградных грамот, блестящих характеристик и прошений, подписанных партийными и советскими работниками, деятелями искусств.

На этом фоне только прокурорским цинизмом можно назвать требование государственного обвинителя: пять лет колонии усиленного режима.

Но зато вершиной судейского великодушия — три года лишения свободы с заменой на условное применение с обязательным привлечением к труду. Ибо, как справедливо сказано в приговоре, «суд не считает подсудимого социально опасным для общества».

Не опасен, так не опасен. Неопасного направили на подземные работы, потом матросом лихтера торгового порта. Кружок художественной самодеятельности в портовом клубе не доверили, потому что «неопасный» обнаружил там приписки. Тем не менее образованная работа, свойственная ему всегда, досрочное освобождение, свобода и... Что дальше?

Дальше — место в студии уже занято. Не кем-нибудь — любимым учеником из давних спасских танцоров Володей Еремой. Бывший мальчишка в маечке и трусиках, ныне красавец с эластичными мышцами, активно выступал на суде против Васютину, а теперь трогательно заботится, чтобы его учитель остался на улице. Спор может идти о педагогических принципах, об устаревших или новейших эстетических и хореографических концепциях и тому подобном, но мальчику, видно, пока невдомек, что предательство не имеет степеней, тут только или — или.

Снова десятки людей, в том числе сведущих специалистов из разных городов, вступились за безработного балетмейстера. После долгих мытарств и рассматриваний зав. отделом культуры Приморского крайкома партии Л. Кафтанюк насмешливо смилостивился:

— Вот если у него хватит сил — пусть дерзает, ищет, создает себе новый коллектив.

Сил начать все сначала хватило. И это самое фантастическое. Прошли блестящие премьеры нового хореографического кружка при Дворце пионеров. В минуты шумного успеха, цветов и аплодисментов страшно подумать, что человеку, так артистично и самозабвенно призывающему детей «взлететь! взлететь! взлететь!», не так давно в тюремной камере соседи-уголовники обмывали кашей лицо в злую отместку за его несправимое «простите» и «пожалуйста». Что за попытки сохранить достоинство и интеллигентность в самых для этого невыносимых условиях ему раскроили голову о тюремную кровать. Обострение пневмонии, болезни почек и печени, отсидки перед допросами в «стакане» по пять часов — это уже мелочи. Страшно и стыдно — за всех нас, допустивших это, или не знавших, или слишком поздно узнавших.

Тем не менее спасибо всем, кто, несмотря ни на что, воевал за доброе имя Васютину и за ту затоптанную сказку. В то же время живы-здоровы и те, кто сумел путем десятилетних усилий так славно проучить «танцора». В основном процветают на тех же или лучших должностях, празднуют победу и лелеют свой незаурядный опыт «пожирания» незаурядных людей. Может пригнуться в любую минуту.

А что может противопоставить этому опыту в конце концов провинциальный хореограф, начинающий все сначала спустя тридцать лет? То же, с чего начинал и тогда, в Спасске, чем завершает долгое и искреннее письмо с изложением своих переживаний и мытарств.

«Надеюсь, что моя мечта об основании на берегу Тихого океана театра оперы и балета осуществится...»

Н. БРАТЧИКОВ,

А. ТАРАСОВ.

(Спец. корр. «Правды»). Владивосток — Москва.

Правда. 1989. - 9 марта. - С. 6

ВЗЛЕТЕТЬ... ВЗЛЕТЕТЬ? ВЗЛЕТЕТЬ!

Портрет балетмейстера в камерном интерьере

ла во всю стену, добела выскобленные полы, люстры и вазы в коридорах производили неотразимое впечатление. В книге отзывов остались, прочитанные записи бывшего посла Индии в СССР господина Шелванкара, тогдашнего министра культуры СССР Е. Фурцевой.

Но не в вазах, разумеется, счастье. Поражал главный результат. Каждый концерт студии был событием для города. От матрешкиного лубка и «Яблочка» до шоппеновских «Мазурки» и «Ноктурна», от «Кучкол» Лядовой и «Тирольского танца» Штрауса до полноценных балетных фрагментов из «Клопа», «Дон Кихота».

Апофеозом для студии стал «Щелкунчик», поставленный в полном блеске массовости, костюмов, реквизита и оформления. Сколько волнений, сколько репетиций, сколько надежд! Ценители музыки и театра, не избалованные гастролями, на улице выспрашивали лишние билеты. Казалось, все идет на подъем, и главное только обещало сбыться.

Но сбылось совершенно другое.

Каждый из нас, зная Васютину и его студию на разных этапах ее развития, может внести свои штрихи и наблюдения в этот рассказ. Но есть то общее, что как бы идет в знаменатель.

Прежде всего Васютин всегда — это фанатическая преданность избранной идее и делу. Колоссальная целеустремленность и энергия, вовлекающие всех окружающих, кто может быть полезен, в круг его идей и забот. И в то же время резкий, буквально романтический максимализм в оценках и суждениях, бескомпромиссная требовательность в рабочей самоотдаче. Это ощущали и дети, особенно подростки, и, наиболее резко, — взрослые. Сам себе не позволяет с температурой 38 пропустить репетицию, сам не знает выходных, занимаясь вместо 12 нормативных часов по 40 в неделю (разумеется, бесплатно), и так же спрашивает с других. Преклонение перед детьми, которое он исповедует, начинается с личной подтянутости, безупречной вежливости, чистоты в одежде и общении. Малейшее опоздание, тем более прогул педагога, пустая болтовня по телефону, лень, развязность, не приведи бог хмельной дух — не избежать конфликта, вплоть до отлучения от детей.

сказать, базу для оппозиции. Оттуда пошли слухи, сигналы, анонимки и прочее, достаточно шаблонное для многих таких случаев. Слухи расплослись вплоть до самых невероятных. Считающие себя интеллигентными люди похвалялись тетрадками, в которые заносили каждый шаг Васютину, не говоря уже о каждой вазе или статуэтке, которые тут же оприходовались в качестве криминала.

И здесь пора сказать прямо. Известно, что в те столь незапамятные времена для широко и последовательно развернутой травли необходимо было одобрение или неодобрение высшего местного руководства. Отношение же к Васютину заметно дало крен, потому что в крайкоме партии сменились люди, благожелательствовавшие ему.

Черт побери, где, как не здесь, взять в понимание, что пять — семь таких Васютиных для города — в спорте, в морфлоте, в краеведении, в природе — и проблемы подростковой преступности значительно бы сократились. Стоило посмотреть на здоровых, жизнерадостных, полных всяких талантов детей, успевающих и в школе, и в студии. Стоило увидеть списки поступивших в хореографические училища страны.

Но смотрели на что-то другое. По каждому пустяку — объяснения с инспекторами и ревизорами, народными контролерами и следователями ОБХСС. Предмет объяснений фантастически разнообразен. Скажем, вывеска. По какому праву учреждение названо городской детской хореографической студией, тогда как это — Дом пионеров № 2 и не больше? И где положенные ему кружки — фото-, технические, умелые руки? Налицо грубое злоупотребление властью: нарушено положение о внешкольных детских учреждениях, утвержденное Министерством просвещения РСФСР от 4 апреля 1953 года, по которому каждый ребенок может заниматься в кружке не больше четырех часов в неделю. В крайнем случае — в духе не больше восьми. А тут — почти двадцать в неделю. Закрыть, закрыть! Вазы, картины, хрусталь? Откуда такое в скромном детском заведении? Не иначе крадено! Банки с черносмолиным соком на зиму? Витаминная подкормка детям? Поборы с родителей! Оплата

теринского дома в Дроздове. Перетряхнуты все сундуки с изношенной балетной обувью и париками, составлен подробнейший список домашней посуды. Запрошены все сберкассы Владивостока, измерены каждый моток электропроводки, каждый метр шифера. Командировки дознавателей в Москву и Ленинград за самыми весомыми уликами.

Сном ли казалось все это ему в тюремной камере, сценой ли из мрачного спектакля, поставленного какими-то сверхъестественными силами? Трудно сказать. Трудно даже представить. С чем же предстал перед судом заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии Приморского комсомола, отличник народного просвещения, обладатель множества благодарственных и почетных грамот, нарабатывавший бесплатно на ниве культуры и воспитания даже по официальной справке горно на 20 тысяч рублей?

Поистине титанические труды двух следователей увенчались успехом по двум позициям. Первая — «организация дачи взятки должностным лицам». Так квалифицированы три посылки в Москву и Ленинград, новогодняя складчина благодарных родителей работникам театральных магазинов за любезное выполнение заказов. 2.450 пар обуви на один только учебный год — где их возьмет студия, которая в фондовых списках не значится? Три личные посылки сверх сметной оплаты, по одной в год: на 21, 10 и 32 рубля. Итого — на 63 целковых. Жуткий дальневосточный дефицит: икра минтая, сайра, крабы. Тут, как говорится, не отвертишься.

Второе: на фанерном заводе вместе со студийным заказом Васютину пожаловали три бракованные двери, которые он увез в тот самый дроздовский дом для его ремонта. Директор завода, сделавший этот подарок, к сожалению, во время следствия умер, и вопрос остался невыясненным. Получилось хищение. «Завладение с корыстной целью государственным имуществом путем злоупотребления должностным лицом служебным положением».

Винават ли? Возможно. Сам вину признал и раскаялся. Сам готов возместить любой ущерб. При том, что в студии-то все казенные двери целеховы. И у дверей суда толпились, ожидая приговора, люди, готовые часами говорить о заслу-